

РЕЧЬ пойдет о доме Булгакова на Садовой, но вначале — о нашем городе, посреди которого этот дом стоит.

Шла я недавно по Сретенке. Выбитые, высаженные вместе с рамами стекла: зияние окон, в которых видна полая утроба дома — внутренние перегородки разрушены. Останки домов ожидают... чего? Кажется, не осталось ничего для реставрации. Не дома уже, а контур будущих домов на месте, где жил когда-то такой народ — москвичи.

Иправы, иправы нашей сегодняшней столицы... Культура будто распыляется в ее воздухе — кроме известнейших музеев и музыкальных залов, нет таких мест, где она могла бы конденсироваться, осесть на стенках специально предназначенных для ее обитания сосудов.

Город, кажется, дышит активностью — улицы, переходы в метро будто заряжены электричеством. Есть движение, живость — пока еще обещание подлинной жизни.

Не видно только усилія осваивать культуру — силы неразумно уходят на старания ухватить ее за перо.

Только оно в руках и остается, да не волшебное. Но есть ведь, есть что-то таинственно-положительное в моем родном городе! В нем незнакомые люди, отстояв вместе многочасовую очередь, под конец обмениваются телефонами — чтобы созваниваться, занимая очередь друг другу за особо дефицитным продуктом. В нем иностранцев, не бывших в Москве полтора года, поражают изменения к лучшему в поведении людей на улице, в общественном транспорте: «Ваши люди стали намного вежливее, предупредительнее! При такой трудной жизни — гораздо меньше грубости, чем раньше!»

Да, худо-бедно, а исчезает наша нестираемая, казалась, примета — мрачная агрессивность, готовность огрызнуться («Да кто вас толкает? Кому вы нужны?»). Причин для веселья мало, но преобладающее выражение лиц — собранность (за исключением распаленных и сознательно распаленных, но это — иная тема).

Удивительный город! В нем началась — не погибла, пробежав долгие десятилетия среди газетных вырезок, предназначенных в макулатуру, — рукопись Михаила Булгакова (см. «ЛГ» от 18 марта 1992 г.). Но все же не хватает нам сегодня в этом городе чего-то главного. Чего же, собственно, кроме все убывающих в кармане денег, недостает рядовому москвичу в современной Москве? Пожалуй, ощущения того, что он в своем городе.

Закрыв за собой дверь квартиры, он сразу начинает чувствовать себя кем-то вроде командированного, плохо снаряженного своим учреждением. Непонятно, как действовать, к кому пойти сначала, куда потом (если только ты не идешь привычным путем на службу, а после нее — непосредственно домой). Кругом — совершенно незнакомые и в основном экзотические лица.

Нечаянно узнает он о существовании учреждений, о которых вроде бы должен знать.

Институт развития Москвы. У кого ни спрашиваю — никто про него не знает. И я узнала только тогда, когда попросила прийти к мне его ведущего сотрудника М. И. Москвина-Тарханова, прослышав, что с осени прошлого года идут в разные инстанции письма от образованной им инициативной группы — о том же доме Булгакова.

От него я и услышала, что институт — одновременно акционерное общество, что сам он по профессии биохимик, но профессию оставил, что теперь он (ему тридцать с небольшим) дает консультации по вопросам бизнеса, связывает между собой разные фирмы и вообще на Западе он называется бы не ведущим сотрудником, а чиф-менеджером. Хорошо, а дом-то булгаковский при чем? Попросила я копию одного из писем, и автор мне ее любезно передал. Я оценила обдуманность словесных форм. «Однако в планах многих почитателей творчества писателя, в том числе людей, входящих в фонд его памяти, начала вырисовываться концепция создания на территории всего этого домовладения Российского культурного центра «Дом Булгакова»...

Вот, оказывается, как должна развиваться Москва.

Что же заставляет человека, унаследовавшего две хорошие фамилии да впридачу и живущего на улице Невмировича-Данченко, так, скажем, заинтересованно относиться к чужим идеям, так небрежно — к не своим многолетним усилиям? Климат, что

ли, сейчас у нас такой?.. Пожалуй, что и так, и я не очень виню его, хотя все же человек волен в выборе своих действий.

Тут, может быть, самое время напомнить про Наталью Геннадиевну Романову, заместителя председателя правления Фонда Булгакова. Подобно тому, как в булгаковских главах о Иешуа и Пилате сборщик податей «бросил деньги на дорогу» («О, город Ершалаим! Чего только не услышишь в нем! Сборщик податей, вы слышите, бросил деньги на дорогу!») По бросил, бросил, господи. Всякое бывает с людьми) и пошел за Иешуа, она, поработав в КВ, расположившемся в Булгаковском доме, как раз в квартире № 50, и все более и более одухотворяясь чем-то, что излучают стены этого дома, в один прекрасный день оставила свою работу вместе с зарплатой и погрузилась в ежеднев-

Мариэтта ЧУДАКОВА,
председатель правления Фонда Булгакова

Но хороши же и те неведомые мне люди, которые посчитали, что это очень даже пикантно — въехать вместе с Воландом в Дом Булгакова.

Я ВСЕ думаю о московском климате. В географическо-метеорологическом смысле его в обозримом будущем не вернуть. Пока искусственные моря вокруг Москвы не осушат, ходить нам на новый год под дождем. И не видеть голубоватых, сахарных сугробов, не тающих месяцами, вплоть до позднего лета этого года, в один прекрасный день оставила свою работу вместе с зарплатой и погрузилась в ежеднев-

для отмыывания партийных и прочих денег!

Он светится так, будто сам только помылся в этой мочек.

Все мы не вчера родились, по-честно сказать, давненько я не испытывала такого отталкивающего чувства (разбаловалась в новом периоде, давно не хаживала по кабинетам, убеждая, чтобы не резали такое-то издание) — не к человеку (я ему даже книжку свою подарила), а к тому, до чего же он себя допустит.

Дело не в самой мочек и не в «помощнике Ельцина», скорее всего мифическом. Дело в том, что вот уже появились молодые люди, которые купаются в этой теплой грязи, уже наслаждаются этим, — и, скорей всего, будут в меру сил своих сопротивляться отмыыванию города и страны. Мой собеседник знает все ходы-выходы в новых «структурах» — точно так, как его предшественники, декабрьские мальчишки, знали ходы-выходы на всем пространстве Старой и Новой площади, от Политехнического музея до Китайского проезда.

Он объяснял мне, что дом Булгакова надо засалить — вокруг него должна сложиться такая атмосфера, чтобы те, кто будет на него претендовать, понимали, что его не удастся забрать без скандала, — и неясно было: сам-то он, засаливая, остановится ли перед тем, чтобы не попытаться взять — через столь знакомые ему «структуры»?..

Все это очень серьезно, хотя и немного забавно. «Лучше» ли новые — старых? Этот вопрос висит сейчас над Россией, звучит на каждом ее перекрестке. Да они не лучше! Так же! Демократы ваши еще хуже коммунистов! Потому что не наелись еще!..

Молодой человек связывает себя только с «демократами»; он — не родимое пятно социализма, а уже, пожалуй, порождение нового периода. Хотя, конечно, все это — из недалекого прошлого.

Бес попутал

О доме Булгакова и московском климате

ные, с утра до поздней ночи, хлопоты об этом доме, в то время никому еще, уверю вас, не нужном.

Да и облик ее, и повадки очень отличны от облика современных деловых людей, но все же с честными (не побоясь старомодного слова) молодыми российскими предпринимателями она нашла общий язык. Фонд Булгакова объединяет сейчас свои усилия с несколькими новыми российскими предпринимателями. С нами захотели также сотрудничать американские «Свободные, профсоюз» и американская Хельсинкская группа: пафос их деятельности — права человека, права личности, и значит, это близко тому, что так важно было Булгакову. Вошло в состав учредителей и московское отделение ВООИИК.

По замыслу же инициативной группы из акционерного общества, оно же Институт развития Москвы, как я поняла, дом видится розданным в основном иностранным фирмам (на сроки от 25 до 49 лет), жильцы на их деньги будут переселены, культуре отдается квартира № 50 и что-нибудь незначительно еще, а на других площадях разворачиваются выставки и аукционы в основном кустарной почему-то продукции (возможно, кому-то что-то уже обещано, судить не берусь).

На отказано и автору этой инициативы — и здесь начинается уже литература. Протираю документ.

«Территориальное управление «Пресненское» рассмотрело обращение народного депутата М. И. Москвина-Тарханова (забыла упомянуть, что мой собеседник — районный депутат по спискам «Демократической России». — М. Ч.) по вопросу создания... и сообщает, что в правительстве г. Москвы рассматривается вопрос о переводе в долгосрочную аренду СП «Воланд» (подчеркнуто нами! — М. Ч.) д. 10 по Б. Садовой улице для создания культурно-офисно-гостиничного комплекса с сохранением в строении Музея Булгакова (ну, конечно же! — М. Ч.) и Фонда Булгакова (только что мы в этом «комплексе» делать будем? — М. Ч.)... СП «Воланд», согласно условиям договора, покупает за свой счет жилую площадь для переселения граждан.

Зам. начальника ТУ «Пресненское» В. С. УЗЛОВ»

Вот дела так дела! Сказано же — «...Квартирный вопрос только испортил их...» Воланд сказал — Воланд и дело поправит, всем квартирный подыщет.

Рассказываю людям разных стран — «Воланд явился! Всех давнись как в сказке!» — не верят. Искренне смеются, но в глазах написано: «Здорово стилизует!»

те было построения развитого рынка и т. п., а вот сейчас, среди нашего хаоса. Среди хаоса-то уют особенно нужен. Приятельницы Елены Сергеевны Булгаковой рассказывали, как в Ташкенте, едва приехав в эвакуацию, она принимала гостей в какой-то убогой комнате, но трехногий столик накрыт был изящной салфеткой, а на ней в глиняном черепке стоял цветок.

Я надеюсь и даже уверена, что булгаковский дом не пойдет за торгов, а станет Домом Булгакова с большой общественной библиотекой, в которую каждый может войти с улицы, взять книгу с полки, сесть в удобное кресле, почитать, подумать. с «театром одного романа», музеем-квартирой, музеем культуры 20-х годов, музеем русской армии — причем любой из них должен быть не тем местом, где властвует экскурсовод, а дело посетителя — ему не мешать, а частью дома, куда хочется зайти и не хочется уходить. Там будут, среди прочего, умело включены в общее пространство кабинеты врачей (не забудем про первую его профессию...) — психоневрологов, терапевтов, психотерапевтов, наркологов — посетители Дома смогут получить там бесплатную помощь. И те жильцы, которые не захотят уезжать из своих квартир, должны, по нашему замыслу, в них и остаться — нельзя от имени Булгакова, столь высоко ценившего частную жизнь человека, принуждать кого-либо покинуть свой дом.

Огромное дело — климат города, особенно же — столицы России. Среди тех, с кем приходилось мне говорить о доме, — один молодой, но не юный человек запомнился мне как один из начальных порождений нашего климата последних лет.

Со вкусом, с каким-то неподражаемым удовольствием рассказывал он, как все, ну решительно все в Москве произано сегодня мафиозными отношениями, решительно все российские правительственные структуры... Он смотрел на меня с участливым сожалением — ведь я этого не понимала до встречи с ним — и радовался за меня, что встреча состоялась, и я перехожу теперь в разряд посвященных и, может быть, сумею еще научиться уму-разуму.

— Все — понимаете? — все коррумпировано. Недавно я сидел у помощника Ельцина, и он...

— Кто?
— Помощник Ельцина, — повторил он бесечно. — И он мне говорит, потирая руки: «Я та-а-а-кую мочку тут на днях открыл...»

— Сауно, что ли?
— Ну, что вы! — собеседник в восторге от моей неосведомленности: информация о современной Москве его просто переполняет. — Это фирма

У квартиры № 50.

Фото Владимира БОГДАНОВА

на лбу молодого человека светилось невидимое, но явно: «Рынок все сплещет» (а если на старый лад — «С волками жить — по-волчьи выть»).

Нынешняя сумятица в головах толкает людей к поведению, до которого еще десять лет назад они бы себя не допустили — знали, что это грозит им моральным осуждением в среде, мнение которой им небезразлично.

Сейчас создается иллюзия, что такой среды нет (одни уехали, другие только что приехали и в заботах о следующем отъезде, третьи думают, уезжать или только детей отправить). Нет той авторитетной инстанции, к которой мысленно апеллируют. У молодого человека «крыша поехала» — он обеспокоен только тем, как бы не опростоволоситься.

Уверена — сначала он уговаривал себя: «Ничего, ничего — сейчас так надо», и боюсь, что уже уговорил, он не знает, что путь назад из такого стовора с собой очень труден — мало кому удавалось вернуться.

Попытаюсь все же понять этих «новых». Насмотревшись в годы своей юности на вынужденное бездействие старших, они хотят наконец действовать. Позади у них — пустота, шестидесятики им не указ: пять лет они меняли Сталина на Бухарина —

и потеряли у молодежи и то уважение, которого заслуживали. Новой моральной опоры пока не находится.

Сегодня одни выводят людей под красными знаменами на площадь, а другие — другие формируют невидимый оплот нынешнего положения, когда в наших «структурах» активно действуют как раз те, которые послезавтра уже не должны бы в ней оставаться. Как «брежневщина» устраивала слишком многих, так временное и худшее в нынешнем нашем дне начинает потихоньку цементироваться восторженными поклонниками «мочек».

ПОЧЕМУ я пишу об этом молодом человеке? Потому что он уже — прямая функция московского и российского нового аппарата, новых правил игры. Всем стоит задуматься над тем, как он шагает по Москве.

Рождается новая мистика — и новая квазиидеология: вместо идеологии партии — идеология рынка.

Мы слишком помним многозначительную мину партаппаратчика: «Есть мнение... Сейчас это нецелесообразно...» Партия успешно насаждала эту многозначительность, отделив от нас, непосвященных, которым тайных пружинок отечественного мировоззрения и знать не положено, и понять не дано.

Что же видим сегодня? Происходит смена караула. Не успели вынести знамена КПСС, вносятся знамена Рынка. Народу при новом знамени не меньше, чем было при старом. На лицах — знакомая многозначительность.

От людской науки и культуры опять сокрыт Тайный Смысл Вещей. Нас опять пробуют морочить, и опять с той же самой простейшей целью: чтобы не мешали делать опытным людям свои полезные им самим дела.

Есть сферы, однако, которые люди культуры никому не передоверили, и есть вещи, которые просто нельзя делать — при любой ситуации. Так, нельзя отдать дом Булгакова под офисы и гостиницы, оставив уголок для публики. Как бы ни был расчет

верное рассуждение — самоощущение.

Вот эти самоощущения сегодня особенно важны.

Нельзя, конечно, силой подтаскивать человека к краешку стула к спинке. Но домашние могут тебе напомнить: «Сядь поудобнее — ты же не в гостях!» Помню — слышано было в детстве от родителей.

Дома не сидят на краешке стула, но ведь и не разваливаются демонстративно — «Кто здесь хозяин?» — за исключением самодуров. Так хочется, чтобы сегодняшние подростки росли с чувством, что они — не в гостях у самодуров.

Я уверена, что дом Булгакова мог бы стать тем Домом русской культуры, где люди России могли бы начать чувствовать себя дома — и где гостей из любых других стран (не только дальних, но и самых ближних!) встречали бы с московским радушием.

Мы рады, что министр правительства Москвы Ю. Э. Андреев уже ответил положительно на письмо председателя Фонда Булгакова. Мы надемся, что этот дом не пойдет с торгов, а будет передан Фонду с тем, чтобы принадлежать всем, кто приходит туда сегодня и оставляет свои записи — «Поверьте, это дает силы на дальнейшую жизнь...», «Это — один из тех немногих уголков, где чувствуешь настоящее и веришь».

Понятие «рынок» — вам это хорошо известно — совсем не означает, что он — повсюду, понятие это не равнозначно повальному цинизму. Свобода инициативы — совсем не свобода схватить любое, заведомо тебе не принадлежащее.

У русской культуры есть наследники. Ее нельзя рассматривать как выморочное имущество.

В России есть и не могут исчезнуть люди, которые действуют ради самой культурной идеи. И среди российских предпринимателей немало тех, для кого культура — в кругу их ценностей, кто был отброшен в свое время от нее насильственно — и ушел в другие сферы, сохранив боль по утраченному. Есть и совсем молодые, для кого их предпринимательство и не мыслится отдельно от культуры. («Российские предприниматели? — с отвращением переспросил один из недавних моих собеседников. — Что вы! С ними ни в коем случае нельзя иметь дело! Все они — мафия!» — «Все?» — «Конечно, все! Иметь дело нужно только с инофирмами!»). Когда я спросила одного из них — каков стимул его включенности в нашу работу, он, подумав, ответил: «Я хочу, чтобы мой сын мог со временем свободно входить в этот дом и сознавать, что его отец был к этому в какой-то степени причастен».

Моя надежда — на то, что мы сумеем возродить России как родной дом для всех, в ней живущих, — вернуть людям ощущение, что они у себя дома.

Дом Булгакова будет одной из ступеней на этом пути. В нем смогут встретиться люди разных мироощущений, разных взглядов на прошлое, настоящее и будущее России, но навсегда сближенные тем, что они ходят по одной земле, которая для каждого — его земля, живит под одним небом да еще и любят одного писателя. В этом доме они смогут говорить о будущем своей страны и спорить — возрождая норму общения соотечественников, противоположая ее люмпенской грубости, навязываемой нам совсем недавно из Президиума VI Съезда народных депутатов России, что так физиологически-бесполодно фиксирует камера телевидения («А чего?.. Хорошо поговорили... Только надо без этих, знаете, личностных моментов» — то есть, надо понимать, без интеллигентских штук — подумай! Не наброби ему!.. Барин какой наелся!..)

Как и все нормальные люди — а уж тем более люди науки, — я не люблю бороться. Я люблю сидеть за своим письменным столом и заниматься искрико-литературной работой, тем более что сейчас для нее — самое время: наконец-то советское прошлое предстало перед нами в виде исторически завершенного предмета изучения; мое дело также — читать лекции студентам.

Труднее всего, конечно, бороться со скрытыми структурами, с тем, что совершается невидимо на задворках нашей социальной жизни, в затемненных ее углах, — потому я уверена в необходимости освещения всех этих углов.

Я не люблю, но, конечно, буду бороться, и те, кто надеется, что люди культуры устанут, надеются напрасно.